

ПАРАМЕТРЫ МНОГОВЕКТОРНОСТИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ СТРАН СНГ: ПРИКЛАДНОЙ АНАЛИЗ

© 2018 г. Д. Дегтерев, И. Василюк, В. Баум

ДЕГТЕРЕВ Денис Андреевич, кандидат экономических наук, доцент.
Российский университет дружбы народов (РУДН), РФ, 117198 Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6 (Degterev_DA@Rudn.university);

МГИМО МИД России, РФ, 119154 Москва, пр-т Вернадского, 76 (Degterev@mgimo.ru).

ВАСИЛЮК Игорь Петрович, кандидат филологических наук, доцент.

Российский университет дружбы народов (РУДН) РФ, 117198 Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6 (Vasiliuk_IP@Rudn.university).

БАУМ Валентина Владимировна, кандидат исторических наук, доцент.

Российский университет дружбы народов (РУДН) РФ, 117198 Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6 (Baum_VV@Rudn.university).

Статья поступила в редакцию 01.07.2017.

В статье рассматриваются основные внешнеполитические партнеры членов СНГ, а также международные организации, в деятельности которых принимают участие государства Содружества. На основе ряда индикаторов оцениваются параметры многовекторности внешней политики стран СНГ. В исследовании применяются методы контент-анализа доктринальных документов, сетевого анализа дипломатических представительств, количественные методики оценки голосования по резолюциям 47–70 сессий Генеральной Ассамблеи ООН. Сопоставление голосования по резолюциям ГА ООН как в рамках СНГ, так и со странами G20 позволяет выявить наиболее близких внешнеполитических партнеров членов СНГ из региона, а также среди наиболее влиятельных стран мира.

Ключевые слова: СНГ, многовекторность, нейтралитет, внешняя политика, прикладной анализ, голосование в ООН, количественные методы анализа, международные организации, сеть посольств, доктринальные документы.

DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-1-63-75

Спустя четверть века после распада СССР на его месте сформировалась новая подсистема международных отношений, институционализированная с созданием СНГ [1; 2]. Поначалу это была преимущественно замкнутая на Российской Федерации подсистема, однако с течением времени все больше других великих, а также региональных держав устанавливали партнерские связи с постсоветскими странами.

Большинство членов СНГ (кроме РФ) принадлежат к средним и малым государствам [3; 4], поэтому неудивительно, что в своей внешней политике все они выбрали ту или иную форму многовекторности: от *политики открытых дверей* в Таджикистане до *комплементаризма* в Армении, от *постоянного нейтралитета* Туркменистана, граничившего во времена С. Ниязова с изоляционизмом, до *дипломатии Шелкового пути* Киргизии [5; 6; 7; 8].

Целью данной статьи является оценка параметров многовекторности внешней политики стран СНГ на основе прикладного анализа их доктринальных документов, членства в международных организациях,

сети посольств и голосования по резолюциям Генеральной Ассамблеи ООН.

Приведенные в статье таблицы и статистические данные основаны преимущественно на материалах базы данных “Внешняя политика стран СНГ”, размещенной на Экспертном портале РУДН по международным отношениям [9] и созданной в ходе многолетней работы над монографией по внешней политике государств Содружества с участием исследователей из вузов Сетевого университета СНГ [10; 11]. Исследование основывается на взаимосвязи количественных [12] и качественных методов анализа международных отношений.

ОТСУТСТВИЕ КОНЦЕПЦИЙ И РАСШИРЕННАЯ МНОГОВЕКТОРНОСТЬ

Анализ внешней политики традиционно начнем с оценки доктринальных документов стран СНГ (табл. 1). Одним из первых среди российских авторов сравнительно-сопоставительный анализ концепций внешней и оборонной политики государств Содружества сделал А. Я. Бабаджанов [13]. Проводился

Таблица 1. Доктринальные документы стран СНГ

	Стратегия (Концепция) национальной безопасности (официальный сайт; портал РУДН)	Концепция внешней политики (официальный сайт; портал РУДН) или аналогичный закон	Военная доктрина
Азербайджан	Концепция 2007 г.	—	Военная доктрина 2010 г.
Армения	Концепция 2007 г.	—	Военная доктрина 2007 г.
Грузия (в СНГ – до 2008 г.)	Концепция 2005 г. Концепция 2011 г.	—	Национальная военная стратегия 2005 г. Национальная военная стратегия 2011 г.
Белоруссия	Концепция 1995 г. Концепция 2001 г. Концепция 2010 г.	Основные направления внутренней и внешней политики 2005 г.	Военная доктрина 2002 г. Военная доктрина 2016 г.
Казахстан	Стратегия на 1999–2005 гг. (1999 г.) Стратегия на 2006–2010 гг. (2006 г.) Стратегия на 2012–2016 гг. (2012 г.)	Концепция 2001 г. Концепция на 2014–2020 гг. (2014 г.)	Военная доктрина 1993 г. Военная доктрина 2000 г. Военная доктрина 2007 г. Военная доктрина 2011 г.
Киргизия	Концепция 2001 г. Концепция 2009 г. Концепция 2012 г.	Концепция 1999 г. Концепция 2007 г.	Военная доктрина 2002 г. Военная доктрина 2013 г.
Молдавия	Концепция 1995 г. Концепция 2008 г. Стратегия 2011 г.	Концепция 1995 г.	Военная доктрина 1995 г.
РФ	Концепция 1997 г. Концепция 2000 г. Стратегия до 2020 г. (2009 г.) Стратегия 2015 г.	Концепция 1993 г. Концепция 2000 г. Концепция 2008 г. Концепция 2013 г. Концепция 2016 г.	Военная доктрина 1993 г. Военная доктрина 2000 г. Военная доктрина 2010 г. Военная доктрина 2014 г.
Таджикистан	—	Концепция 2002 г. Концепция 2015 г.	Военная доктрина 2005 г.
Туркмения	—	Концепция 1995 г. Концепция на 2013–2017 гг. (2012 г.)	Военная доктрина 1994 г. Военная доктрина 2009 г.
Узбекистан	Концепция 1995 г.	Об основных принципах внешне-политической деятельности 1996 г. Концепция 2012 г.	Военная доктрина 1995 г. Военная доктрина 2000 г.
Украина	Концепция 1997 г. Стратегия 2007 г. Стратегия 2012 г. Стратегия 2015 г.	Об основных направлениях внешней политики 1993 г. Об основах внешней и внутренней политики 2010 г. Об основах внешней и внутренней политики (редакция 2014 г.)	Военная доктрина 1993 г. Военная доктрина 2004 г. Военная доктрина 2012 г. Военная доктрина 2015 г.

Источник: здесь и далее [9].

и количественный контент-анализ их внешнеполитических доктрин [14].

Важно не только содержание внешнеполитических доктрин¹ [15], но и сам факт их наличия (отсутствия). За 25 лет независимости концепция внешней политики так и не появились у Азербайджана и Армении, Белоруссии и Украины, Грузии, а концепция Молдавии не обновлялась с 1995 г. (табл. 1). По сути, это один из индикаторов *расширенной многовекторности*. Данные страны придерживались настолько гибкого внешнеполитического курса, что старались даже не документировать официально иерархию основных внешнеполитических партнеров.

Так, Белоруссия предпринимала, как минимум, три безуспешных попытки концептуализации внешней политики:

1) после того как вопрос о необходимости разработки концепции внешней политики был поднят на сессии Верховного совета (ВС) республики 2 октября 1992 г., к концу года МИД подготовил проект Концепции внешней политики, который, однако, не получил поддержки на заседании Президиума ВС;

2) в 1995 г. председатель ВС М. Гриб предложил принять закон “Об основных направлениях внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности РБ”, но эта инициатива не была реализована;

3) в 1997 г. МИД подготовил проект концепции, который предполагалось принять на заседании Совета безопасности [16; 17].

В принятом 14 ноября 2005 г. Законе № 60-3 “Об утверждении основных направлений внутренней и внешней политики Республики Беларусь” также сделана попытка избежать декларирования каких-либо приоритетов на официальном уровне. В главе “Основные направления внешней политики Республики Беларусь” не упоминаются государства, регионы, международные организации, контактам с которыми отдавалось бы предпочтение. На первое место ставится внешнеэкономическая деятельность и международное экономическое сотрудничество.

В случае с Арменией и Азербайджаном речь идет о *взаимной рефлексии*, когда любой внешнеполитический шаг одной из стран ведет к симметричным инициативам другой. Ниже еще пойдет речь о примерах таких зеркальных действий двух закавказских соседей.

В Молдавии, спустя 10 лет после принятия предыдущей Концепции внешней политики, согласно президентскому указу в декабре 2005 г. была создана

¹ На Экспертном портале РУДН по международным отношениям [9] размещены полнотекстовые версии большинства документов, приведенных в табл. 1.

национальная комиссия, которой в срок до марта 2006 г. поручалось разработать новую редакцию концепции. Однако она так и не была утверждена парламентом страны.

В июле 1993 г. было принято постановление Верховной Рады “Об основных направлениях внешней политики Украины”, в которой декларировались, в том числе, основные внешнеполитические приоритеты, включая сотрудничество с РФ и странами Содружества, с ЕС и НАТО. В июле 2010 г. появился закон “Об основах внутренней и внешней политики Украины”, где был зафиксирован принцип внеблоковости, то есть неучастия страны в военно-политических союзах [18]. В декабре 2014 г. согласно закону “О внесении изменений в некоторые законы Украины относительно отказа Украины от осуществления политики внеблоковости”, внесены поправки, в числе прочих, и в закон 2010 г., и принцип внеблоковости оказался отменен.

Некоторое представление о международных приоритетах и внешних вызовах дают концепции национальной безопасности, принятые в Армении и Азербайджане в 2007 г., а в Белоруссии – в 1995, 2001, 2010 гг., и военные доктрины (табл. 1). В Грузии в 2005 г. приняты Концепция национальной безопасности и Национальная военная стратегия, а в 2011 г. данные документы были обновлены.

В 2016 г. обновлена военная доктрина Республики Беларусь, в которой уже учтен опыт украинского кризиса. Наиболее часто среди участников СНГ обновляются доктринальные документы РФ.

ЧЛЕНСТВО В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

За минувшие годы страны Содружества существенно расширили свои внешнеполитические контакты, став членами самых разных международных организаций. Так, шесть из них (Азербайджан и центральноазиатские страны) присоединились к Организации исламского сотрудничества (ОИС) и Исламскому банку развития (табл. 2.1 и 2.2), а РФ стала наблюдателем в ОИС. Большинство из данной “шестерки” являются членами Совета Сотрудничества тюркоязычных государств (Тюркский совет). Армения и Молдавия вошли в качестве полноправных участников в Международную организацию франкофонии, а Украина и Грузия – в число ее наблюдателей. Молдавия успела вступить в Латинский союз, объединявший страны, население которых говорит на языках романской группы (испанский, португальский, французский, итальянский, румынский и каталанский), до того как в 2012 г. из-за финансовых

Таблица 2.1. Членство в международных организациях (оборона, безопасность, политика)

	ОДКБ	ШОС	НАТО	ОБСЕ	СЕ	СВМДА	ГУАМ	ЕС	ДН
Азербайджан	БЧ	ПД	СП	Ч	Ч	Ч	Ч	ЕПС	Ч
Армения	Ч	ПД	СП	Ч	Ч			ЕПС	Н
Белоруссия	Ч	Н	СП	Ч	ПП	Н		ЕПС	Ч
Грузия (в СНГ до 2009 г.)			СП	Ч	Ч		Ч	СА	
Казахстан	Ч	Ч	СП	Ч	ПП	Ч		СПС	Н
Киргизия	Ч	Ч	СП	Ч	ПП	Ч			Н
Молдавия			СП	Ч	Ч		Ч	СА	
РФ	Ч	Ч	СП	Ч	Ч	Ч		СПС	
Таджикистан	Ч	Ч	СП	Ч	ПП	Ч			Н
Туркмения			СП	Ч	ПП				Ч
Узбекистан	БЧ	Ч	СП	Ч	ПП	Ч	БЧ		Ч
Украина			СП	Ч	Ч	Н	Ч	СА	БЧ

Таблица 2.2. Членство в международных организациях (экономика, религия, культура)

	Экономика									Религия, культура		
	ЕАЭС	ЕАБР	ЕБРР	АБР	АБИИ	ИБР	ВТО	ОЭС	ОЧЭС	ОИС	ТС	МОФ
Азербайджан			Ч	Ч	Ч	Ч	Н	Ч	Ч	Ч	Ч	
Армения	Ч	Ч	Ч	Ч			Ч		Ч			Ч
Белоруссия	Ч	Ч	Ч				Н					
Грузия (в СНГ до 2009 г.)			Ч	Ч	Ч		Ч		Ч			Н
Казахстан	Ч	Ч	Ч	Ч	Ч	Ч	Ч	Ч		Ч	Ч	
Киргизия	Ч	Ч	Ч	Ч	Ч	Ч	Ч	Ч		Ч	Ч	
Молдавия			Ч				Ч		Ч			Ч
РФ	Ч	Ч	Ч		Ч		Ч		Ч	Н		
Таджикистан		Ч	Ч	Ч	Ч	Ч	Ч	Ч		Ч		
Туркмения			Ч	Ч		Ч		Ч		Ч		
Узбекистан			Ч	Ч	Ч	Ч	Н	Ч		Ч		
Украина			Ч				Ч		Ч			Н

Примечание. Все данные приведены на 1 января 2017 г. ОДКБ – Организация договора о коллективной безопасности; ШОС – Шанхайская организация сотрудничества; НАТО – Североатлантический альянс; ОБСЕ – Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе; СЕ – Совет Европы; СВМДА – Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии; ГУАМ – Организация за демократию и экономическое развитие; ЕС – Евразийский союз; ДН – Движение неприсоединения; ЕАЭС (ЕврАзЭС) – Евразийский экономический союз; ЕАБР – Евразийский банк развития; АБР – Азиатский банк развития; АБИИ – Азиатский банк инфраструктурных инвестиций; ИБР – Исламский банк развития; ВТО – Всемирная торговая организация; ОЭС – Организация экономического сотрудничества; ОЧЭС – Организация черноморского экономического сотрудничества; ОИС – Организация исламского сотрудничества; ТС – Тюркский совет (Совет сотрудничества тюркоязычных государств); МОФ – Международная организация франкофонии. Ч – член; БЧ – бывший член; ЕПС – участник программы “Европейская политика соседства”; Н – наблюдатель; ПД – партнер по диалогу; ПП – реализуют партнерские программы; СА – подписано Соглашение об Ассоциации; СП – страна-партнер; СПС – подписано Соглашение о партнерстве и сотрудничестве.

сложностей было принято решение о приостановлении деятельности организации.

В настоящее время все страны – участницы СНГ (кроме Белоруссии, Молдавии и Украины) и Грузия являются одновременно членами и Европейской экономической комиссии (ЕЭК) ООН, и Экономической

и социальной комиссии для Азии и Тихого океана (ЭСКАТО) ООН. В этой связи в рамках Экономического и социального совета (ЭКОСОС) ООН регулярно возникает дискуссия о необходимости создания отдельной, евразийской комиссии для стран СНГ, что подтверждает тезис об отдельной подсистеме международных отношений.

Часть членов СНГ пополнила ряды субрегиональной Организации экономического сотрудничества, другие стали участниками Организации черноморского экономического сотрудничества.

Ряд государств в своей внешней политике предпочли концепцию нейтралитета и вступили в ряды Движения неприсоединения (Азербайджан, Белоруссия, Туркменистан, Узбекистан), другие (Армения, Казахстан, Киргизия, Таджикистан) стали наблюдателями Движения.

Многие форматы международного взаимодействия были инициированы непосредственно странами СНГ. Среди них – Организация договора о коллективной безопасности (ОДКБ), Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), Евразийский экономический союз (ЕАЭС), Евразийский банк развития (ЕАБР) и другие [19]. Важной инициативой в сфере укрепления безопасности и сотрудничества стало Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА), инициированное президентом Казахстана Н. Назарбаевым в 1992 г.

Примечательно, что Армения и Туркменистан, являясь членами Азиатского банка развития (АБР), не присоединились к созданному КНР Азиатскому банку инфраструктурных инвестиций (АБИИ). Россия, напротив, поддержала инициативу АБИИ, но не вступала в АБР.

Первой среди стран СНГ в ВТО вступила Киргизия (еще в 1998 г.), ряд государств являются наблюдателями (Азербайджан, Белоруссия и Узбекистан), остальные (кроме Туркменистана) уже присоединились к этой организации. 24 января 2013 г. по указу президента Туркменистана была создана специальная рабочая группа по вопросу вступления в ВТО, однако официальная заявка о начале переговоров со Всемирной торговой организацией Туркменистаном не подана. Дело в том, что его вступление в ВТО связано с необходимостью серьезных структурных преобразований в экономике. В первую очередь это касается газодобычи и реализации углеводородов, где доминируют государственные предприятия.

Все страны СНГ в той или иной степени сотрудничают с НАТО, ОБСЕ и Советом Европы, реализуют проекты Европейского банка реконструкции и развития. В последние годы практически сошла на нет активность Организации за демократию и экономическое развитие (ГУАМ), которая объединяла ряд государств СНГ на антироссийской основе [20].

Безусловно, членство и перспективы присоединения к международным организациям влияют на внешнеполитический курс членов Содружества,

о чем подробнее будет сказано ниже, при анализе голосования в ГА ООН.

СЕТЬ ПОСОЛЬСТВ

За четверть века страны СНГ сформировали сеть посольств, охватывающую все основные регионы мира (табл. 3). Анализ данной сети представляет особый интерес, поскольку сам факт наличия посольства за рубежом в условиях ограниченных финансовых ресурсов свидетельствует о реальных внешнеполитических приоритетах того или иного участника СНГ.

Помимо России, которая в рамках “нулевого варианта” унаследовала сеть дипломатических учреждений за рубежом от СССР и имеет около 150 посольств, большинство членов СНГ имеют свои дипломатические представительства в среднем лишь в 15–30% стран мира. Разветвленные сети посольств “с нуля” созданы у Украины (посольства в 81 стране), Азербайджана (в 60 странах), Белоруссии (в 56 странах) и Казахстана (в 57 странах). Посольства в менее чем 30 государствах имеют Киргизия, Молдавия и Таджикистан.

Большинство участников СНГ имеют свои диппредставительства практически во всех других государствах Содружества. В терминах сетевого анализа это можно трактовать как *связанную подгруппу (cohesive subgroup)* типа полный граф (“клика”), поскольку имеются элементы сети, имеющие большее число связей между входящими в них участниками, чем между остальными участниками сети [21]. В качестве сети здесь принимается совокупная сеть посольств всех стран СНГ, плотность которой на постсоветском пространстве близка к 100%. Это еще одно подтверждение того, что сообщество СНГ представляет собой отдельную подсистему международных отношений.

Наиболее “европейскую” сеть посольств имеет Молдавия, у которой две трети всех представительств расположено в странах ЕС, а в Азии – всего четыре. Чуть меньше доля европейских посольств (47 и 44%) у Грузии и Армении соответственно. У Киргизии, напротив, основная часть посольств расположена в странах Азии, тогда как в Европе их всего пять. Азербайджан, Армения, Белоруссия и Украина имеет несколько более разветвленную сеть в странах Европы, чем в странах Азии. Для Казахстана “азиатская” сеть практически равна “европейской” (табл. 3).

Что касается других регионов, в особенности Африки и Латинской Америки, то здесь посольская сеть есть далеко не у всех стран СНГ. Не имеют или имеют только одно посольство в Африке Армения, Киргизия, Молдавия, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан. При этом у РФ доля этих учреждений

Таблица 3. Количество дипломатических представительств стран СНГ в различных регионах мира (доля от общего количества)

Регион	Азербайджан	Армения	Белоруссия	Грузия (до 2009 г.)	Казахстан	Киргизия	Молдавия	РФ	Таджикистан	Туркмения	Узбекистан	Украина
СНГ	9 (15%)	5 (12%)	10 (18%)	8 (14%)	9 (16%)	8 (30%)	4 (14%)	10 (7%)	8 (28%)	9 (30%)	7 (21%)	10 (12%)
Европа	21 (35%)	18 (44%)	19 (34%)	28 (47%)	20 (35%)	5 (19%)	19 (66%)	36 (25%)	6 (21%)	8 (27%)	9 (27%)	31 (38%)
Северная Америка	2 (3%)	2 (5%)	2 (4%)	2 (3%)	2 (4%)	1 (4%)	2 (7%)	2 (1%)	1 (3%)	1 (3%)	1 (3%)	2 (2%)
Азия	17 (28%)	12 (29%)	14 (25%)	13 (22%)	22 (39%)	13 (48%)	4 (14%)	38 (26%)	13 (45%)	12 (40%)	15 (45%)	22 (27%)
Африка	5 (8%)	1 (2%)	5 (9%)	3 (5%)	3 (5%)	0 (0%)	0 (0%)	41 (28%)	1 (3%)	0 (0%)	1 (3%)	10 (12%)
Латинская Америка	5 (8%)	3 (7%)	5 (9%)	4 (7%)	1 (2%)	0 (0%)	0 (0%)	17 (12%)	0 (0%)	0 (0%)	0 (0%)	5 (6%)
Австралия и Океания	1 (2%)	0 (0%)	1 (2%)	1 (2%)	0 (0%)	0 (0%)	0 (0%)	2 (1%)	0 (0%)	0 (0%)	0 (0%)	1 (1%)
Всего	60	41	56	59	57	27	29	146	29	30	33	81

Примечание. Все данные приведены по состоянию на 1 января 2017 г. Учитывались лишь полноценные посольства (отделения посольств, посты с резиденцией в других странах, постоянные представительства при международных организациях, консульства не принимались во внимание).

в странах Африки достигает 28% общего количества. В Латинской Америке не имеют или имеют только одно посольство Казахстан, Киргизия, Молдавия, Таджикистан, Туркмения и Узбекистан (табл. 3).

Выраженный европейский или азиатский вектор, а также отсутствие посольств в странах Африки и Латинской Америки хорошо укладываются в логику гравитационных моделей, описывающих торгово-экономические, инвестиционные и миграционные межгосударственные потоки [22], а также применяемых к анализу эффективности сети дипломатических представительств [23]. В данных моделях интенсивность связей между странами обратно пропорциональна квадрату расстояния между ними. Данное явление также называют “эффектом соседства” [24].

Примечательный факт – многие участники СНГ стремятся сохранить связи, налаженные еще в советское время, в том числе в рамках Совета экономической взаимопомощи. Так, на Кубе помимо посольства РФ, функционируют посольства Азербайджана, Белоруссии, Украины, а также Грузии. В Болгарии, Румынии и Польше имеются посольства Азербайджана, Армении, Белоруссии, Казахстана, Молдавии, РФ, Украины и Грузии. В Румынии также функционирует посольство Туркменистана, а в Польше – Узбекистана. Во Вьетнаме открыты посольства Азербайджана, Армении, Белоруссии, Казахстана, РФ и Украины.

Как уже отмечалось, наблюдается симметричность в действиях Армении и Азербайджана при открытии новых посольств, при этом у последнего, в силу больших финансовых возможностей, сеть диппредставительств несколько шире. Например, если в Латинской Америке Армения имеет посольства в Аргентине, Бразилии и Мексике, то Азербайджан – в этих трех странах, а также в Колумбии и на Кубе. В Африке Армения имеет посольство в Египте, а Азербайджан, помимо Египта, также открыл свои миссии в Алжире, Марокко, Эфиопии и ЮАР. В целом по миру Азербайджан не открыл посольства лишь в нескольких странах, где существуют посольства Армении, – это Ирак, Сирия, Ватикан и Дания. Азербайджан стремится нивелировать влияние мощного армянского лобби и деятельность посольств Армении по доведению до международной общественности своей точки зрения на события в Нагорном Карабахе, в том числе в контексте признания Ходжалинской трагедии² преступлением против человечества.

² Ходжалинская трагедия – массовая гибель мирных жителей азербайджанского города Ходжалы в ночь с 25 на 26 февраля 1992 г. в ходе Карабахской войны.

ГОЛОСОВАНИЕ В ООН

Голосование по резолюциям ГА ООН – важный индикатор близости внешнеполитических позиций государств. Неслучайно ежегодно, начиная с 1985 г., Государственный департамент США готовит доклад “Практика голосования в ООН” (*UN Voting Practices*) [25]. Анализу голосования в ООН посвящены классические работы многих именитых зарубежных исследователей-международников, в том числе Х. Алкера [26], Р. Кохейна [27], А. Липхарта [28], Б. Рассета [29]. Ведущим современным экспертом по данной проблематике выступает Э. Возтен [30]. Один из наиболее близких к нашей теме вопросов – насколько согласованно в ГА ООН голосуют страны – члены ЕС [31]. На русском языке можно отметить, пожалуй, лишь работу по анализу многолетнего голосования по резолюции “Право на развитие” [32].

Для целей нашего анализа рассматривается голосование всех стран – участниц СНГ (включая Грузию, которая до 2009 г. входила в Содружество) по резолюциям 47–70 сессии ГА ООН. Хотя государства СНГ стали членами ООН в 1992 г., большинство из них проголосовало лишь по одной резолюции 46 сессии.

Голосование страны СНГ по всем резолюциям в рамках сессии сопоставляется с голосованием всех других государств СНГ, коль скоро мы рассматриваем Содружество как подсистему международных отношений. Вместе с тем оно сопоставляется и с голосованием стран *G20* как наиболее влиятельных членов международного сообщества, на которых могут ориентироваться в своей внешней политике члены СНГ [33]. Конечно, при этом за рамками нашего анализа оказываются такие ключевые региональные державы, как, к примеру, Иран, Пакистан, Малайзия, Израиль и др., имеющие активные внешнеполитические контакты с СНГ.

Для оценки близости внешнеполитических позиций был рассчитан средний уровень совпадения голосования по 47–70 сессиям ГА ООН, а также количество сессий, в ходе которых другая страна имела с рассматриваемой страной наибольший уровень совпадения при голосовании. Результаты расчетов представлены в табл. 4, где указаны топ-3 страны по каждому показателю, причем отдельно по СНГ, отдельно – по *G20*.

Вполне ожидаема взаимная близость позиций Молдавии, Украины и Грузии, вставших на путь евро-атлантической интеграции еще в начале 90-х годов прошлого века [34; 35; 36]. Более примечательным является тот факт, что из стран *G20* в наибольшей степени их голосование совпадает не только с ФРГ и Италией (что также предсказуемо), а с Японией и Южной Кореей (особенно для Украины).

В рамках СНГ наблюдается достаточно сильное совпадение при голосовании в рамках треугольников Азербайджан–Белоруссия–Казахстан, а также Киргизия–Таджикистан–Туркменистан. У РФ и Армении внешнеполитическая позиция в значительной степени близка с Белоруссией [37]. Данные тенденции объясняются развитым политическим диалогом между странами. Например, Таджикистан и Киргизия для согласования своих позиций учредили Совет министров иностранных дел, заседания которого проходят с 2009 г., а в 2013 г. создали Высший межгосударственный координационный совет. В 1997–2014 гг. также прошло 12 заседаний двусторонней межправительственной комиссии. В 2008–2014 гг. проведены пять заседаний Совместной таджикско-туркменской межправительственной комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству. Президенты Киргизии, Туркменистана и Таджикистана регулярно посещают друг друга с взаимными визитами [10].

Наиболее неожиданным результатом сопоставления голосования стран Содружества с государствами *G20* стала пара Армения–Аргентина. На протяжении 19 (!) сессий из 22 рассматриваемых именно с Аргентиной среди всех стран *G20* Армения имела наиболее близкую позицию. Дело в том, что в Аргентине проживает самая большая в Латинской Америке и, по ряду оценок, третья в мире армянская диаспора, появление которой связано с трагедией геноцида армян в Турции в 1915 г. К первой волне беженцев впоследствии добавился поток мигрантов после распада СССР. Это очень влиятельная и сплоченная диаспора, в том числе в политическом плане, которая имеет большое количество своих изданий, клубов, армянских колледжей. Проживает она компактно в Буэнос-Айресе и Кордобе. В стране функционирует Национальный армянский совет Буэнос-Айреса, Национальный армянский совет Южной Америки. Представители первого из них регулярно посещают НКАО и продвигают таким образом позицию Армении по Нагорному Карабаху. Мощное влияние армянской диаспоры, в том числе по внешнеполитическим вопросам, фактически заставило Азербайджан в 2010 г. открыть свое посольство в Аргентине – первое в Южной Америке.

Аргентина и Бразилия – соперники в плане влияния на международной арене, имеющие различные подходы к реформе ООН [38]. Кроме того, Аргентина – первый претендент на членство в случае расширения БРИКС. В этой связи примечательно, что у стран Центральной Азии Аргентина с Бразилией лидируют по близости позиций среди стран *G20*. В противовес Армении, у Азербайджана, а также у Белоруссии, лидирует Бразилия, а у России – Аргентина.

Таблица 4. Близость позиций стран СНГ при голосовании в ГА ООН (47–70 сессий) к позиции других стран СНГ и стран G20

Страна СНГ	Среди других стран СНГ		Среди G20	
	ТОП-3 по среднему уровню поддержки, %	ТОП-3 по количеству сессий с максимальной поддержкой	ТОП-3 по среднему уровню поддержки, %	ТОП-3 по количеству сессий с максимальной поддержкой
Азербайджан	Казахстан (90.88) Белоруссия (89.60) Киргизия (86.74)	Казахстан (8 сессий) Киргизия (8 сессий) Белоруссия (6 сессий)	Индонезия (89.32) Саудовская Аравия (89.11) Бразилия (88.15)	Бразилия, Индонезия (по 6 сессий) ЮАР, Республика Корея (по 5 сессий)
Армения	Белоруссия (87.76) Казахстан (87.09) Азербайджан (85.98)	Белоруссия (10 сессий) Таджикистан (5 сессий) Казахстан (4 сессии)	Аргентина (88.67) ЮАР (84.85) Бразилия (84.69)	Аргентина (19 сессий) ЮАР (4 сессии) Австралия (3 сессии)
Белоруссия	Азербайджан (89.60) Казахстан (89.53) Армения (87.76)	Азербайджан, Узбекистан (по 7 сессий) Украина (6 сессий)	Индонезия (88.01) КНР (87.87) Бразилия (87.77)	КНР (10 сессий) Индонезия (7 сессий) ЮАР (5 сессий)
Грузия (до 2009)	Молдавия (90.48) Украина (88.69) Армения (81.28)	Молдавия (16 сессий) Украина (7 сессий) ¹	ФРГ (89.06) Италия (88.79) Япония (88.50)	Италия, ФРГ, Япония (по 7 сессий)
Казахстан	Азербайджан (90.88) Белоруссия (89.53) Киргизия (87.72)	Азербайджан, Киргизия (по 6 сессий) Беларусь (5 сессий)	Аргентина (89.71) Бразилия (88.72) ЮАР (87.22)	Бразилия (8 сессий) Аргентина (6 сессий) ЮАР (5 сессий)
Киргизия	Таджикистан (89.22) Казахстан (87.72) Узбекистан (87.28)	Таджикистан (8 сессий) Казахстан (7 сессий) Азербайджан, Узбекистан (по 5 сессий)	ЮАР (85.41) Аргентина (83.97) Бразилия (82.70)	ЮАР (11 сессий) Бразилия (6 сессий) Аргентина (5 сессий)
Молдавия	Украина (91.47) Грузия (90.48) Армения (82.22)	Грузия (12 сессий) Украина (11 сессий) Армения (3 сессии)	Италия (94.19) ФРГ (93.76) Япония (91.29)	Италия (14 сессий) ФРГ (11 сессий) Австралия (5 сессий)
Российская Федерация	Белоруссия (86.64) Армения (84.58) Казахстан (84.34)	Белоруссия (10 сессий) Казахстан (5 сессий) Узбекистан (3 сессии)	Аргентина (83.64) КНР (81.74) ЮАР (81.24)	КНР (14 сессий) Аргентина (5 сессий) ¹
Таджикистан	Киргизия (89.21) Туркменистан (88.02) Узбекистан (87.57)	Киргизия (13 сессий) Туркменистан (6 сессий) Азербайджан, Казахстан, РФ (по 4 сессии)	ЮАР (83.61) Аргентина (82.71) Бразилия (80.79)	ЮАР (9 сессий) КНР, РФ (по 4 сессии)
Туркменистан	Таджикистан (88.02) Узбекистан (85.84) Киргизия (84.98)	Таджикистан (14 сессий) Киргизия и Узбекистан (по 5 сессий)	ЮАР (79.73) Индонезия (78.12) Аргентина (77.90)	ЮАР (9 сессий) Индонезия (6 сессий) Аргентина (4 сессии)
Узбекистан	Таджикистан (87.57) Киргизия (87.28) Туркменистан (85.84)	Таджикистан (8 сессий) Белоруссия, Киргизия (по 6 сессий)	ЮАР (80.12) Аргентина (78.12) РФ (77.13)	Республика Корея (6 сессий) Индонезия, КНР (по 4 сессии)
Украина	Молдавия (91.47) Грузия (88.69) Армения (83.03)	Молдавия (11 сессий) Беларусь (6 сессий) Грузия (5 сессий)	Республика Корея (90.95) Япония (90.21) Италия (89.56)	Республика Корея (7 сессий) ФРГ (6 сессий) Япония (5 сессий)

¹ С остальными четырьмя-пятью странами имеется максимальное совпадение только по одной сессии.

Примечание. Жирным шрифтом выделены страны, уровень поддержки которых составляет более 90% или не менее 10 сессий. Процент совпадения при голосовании подсчитывался следующим образом: за каждую резолюцию, по которой совпадало голосование (обе страны голосовали “за”, “против”, воздерживались или не голосовали), добавлялся 1 балл. Если одна страна голосовала “за” или “против” резолюции, а другая воздерживалась или не участвовала в голосовании, то добавлялось 0.5 балла. Получившийся результат делился на общее количество резолюций, принятых голосованием в ходе данной сессии.

Последнее объясняется, помимо прочего, наличием ряда расхождений, которые имеются у РФ с Бразилией. Последняя, например, не сразу поддержала российскую позицию по Сирии (выступала за мирное урегулирование конфликта). Буэнос-Айрес, напротив, выражает солидарность с Москвой по крымскому вопросу по формуле: “Крым – Россия, Мальвины – Аргентина”.

Неожиданным оказался и высокий уровень совпадения голосования с Индонезией: у Азербайджана и Белоруссии – она на 1–2-м месте, у Туркменистана – на 2-м, у Узбекистана – на 2–3-м. Все четыре страны входят в Движение неприсоединения, одним из основных инициаторов которого была Индонезия. Она остается в числе наиболее активных его участников – в 1991–1995 гг. Индонезия председательствовала в этом Движении.

Вторая по значимости причина такого голосования – членство Азербайджана, Узбекистана и Туркменистана в ОИС. В Индонезии проживает больше приверженцев ислама, чем в любой другой стране мира. Главной стратегической целью внешней политики и дипломатии на период 2015–2019 гг. считается утверждение идентичности Индонезии как мировой державы, выступающей в качестве связующего моста между европейской и исламской цивилизациями [39]. Кроме того, Азербайджан является вторым крупнейшим поставщиком нефти в Индонезию после Саудовской Аравии.

На этом фоне крайне слабо выглядят показатели совпадения голосования мусульманских членов СНГ с Саудовской Аравией и Турцией. Фактически только у Азербайджана Саудовская Аравия находится на 2–3-м месте по совпадению голосования в ГА ООН. С Турцией наибольшее сближение у Азербайджана наблюдалось в ходе 47–51 сессий (1-е место). В отдельные годы у ряда государств Центральной Азии было максимальное совпадение именно с Саудовской Аравией: у Казахстана (в ходе 59–61 сессий), у Узбекистана (67 и 70 сессии), у Киргизии (47 сессия), у Таджикистана (57 сессия), у Туркменистана (58 сессия), однако по итоговым показателям Саудовская Аравия не вошла в число приоритетных внешнеполитических партнеров, несмотря на развиваемое торгово-экономическое сотрудничество [40]. В последние годы, правда, заметен некоторый рост солидарности центральноазиатских государств Содружества с Саудовской Аравией, что свидетельствует об успешности политики королевства по ограничению влияния Турции и Ирана в “мире ислама” [41].

Турция, помимо Азербайджана, в 50-й сессии была на 1-м месте по совпадению голосования с Арменией, но в итоговых показателях она не фигурирует ни у одного из участников СНГ (табл. 4). И это при том, что, стремясь подчеркнуть привилегированный характер

азербайджано-турецких отношений, Г. Алиев провозгласил принцип “Одна нация, два государства”, и обе страны являются членами Тюркского совета.

Есть несколько объяснений такому феномену. Еще на первом Стамбульском саммите глав тюркских государств в 1992 г. в Анкаре Н. Назарбаев отказался подписывать совместное заявление (подготовленное турецкой стороной) о том, что государства Центральной Азии берут курс на интеграцию с Турцией. Он заявил, что Казахстан стал современным государством в других исторических условиях, утраченные связи надо восстанавливать цивилизованно, а сотрудничать – как равноправные партнеры [10]. То есть слишком активно навязываемая странам Центральной Азии идея пантюркизма приводила к обратным результатам. Кроме того, по проблеме Каспия Турция солидарна с Азербайджаном, что вызывает недовольство Казахстана и Туркмении. С другой стороны, Турция является членом НАТО и по ряду резолюций в рамках блоковой дисциплины занимает единую со странами альянса позицию, несовместимую с позицией стран Центральной Азии и Азербайджана.

У Киргизии, Таджикистана и Туркмении наибольший уровень совпадения голосов из *G20* наблюдается с ЮАР. Объясняется это как координацией в рамках БРИКС (в том числе в контексте усиливающегося взаимодействия этих государств с КНР) [42], так и формирующимся сотрудничеством в горнопромышленной сфере. ЮАР в данных странах представляет посол с резиденцией в Астане (Казахстан). Из всех участников БРИКС наименьшее совпадение при голосовании наблюдается с Индией, несмотря на возросшее энергетическое сотрудничество этой державы с Центральной Азией [43].

* * *

Использованные авторами методики прикладного анализа не являются универсальным инструментом, они позволяют выявить лишь некоторые особенности внешней политики стран – членов Содружества, оценить параметры их многовекторности, что в ряде случаев недоступно посредством историко-описательных методов. Вместе с тем для дальнейшего анализа выявленных закономерностей применялся уже традиционный инструментарий.

Авторы выражают признательность экспертам по внешней политике отдельных стран *G20* за консультации при написании данной статьи, в том числе д.и.н. Борзовой А.Ю. (по Аргентине, Бразилии); д.и.н. Ефимовой Л.М. (по Индонезии), к.и.н. Чикризовой О.С. (по Турции, Саудовской Аравии) и д.и.н. Юртаеву В.И. (по ЮАР). Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта РФФИ-КАОН № 17-27-21002.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Малышева Д. На “фронтах” СНГ – без перемен. *Мировая экономика и международные отношения*, 2004, № 12, сс. 69-79. [Malysheva D. Na “frontakh” SNG – bez peremen [On the Fronts of the CIS – Without Changes]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2004, no. 12, pp. 69-79.]
2. Косов Ю.В., Торопыгин А.В. *Содружество независимых государств. Институты, интеграционные процессы, конфликты и парламентская дипломатия*. Москва, Аспект Пресс, 2009. 287 с. [Kosov Yu.V., Toropygin A.V. *Sodruzhestvo nezavisimykh gosudarstv. Instituty, integratsionnye protsessy, konflikty i parlamentskaya diplomatiya* [Commonwealth of Independent States. Institutes, Integration Processes, Conflicts and Parliamentary Diplomacy]. Moscow, Aspect Press, 2009. 287 p.]
3. Aglyan V. R. Dimensions of International Hierarchy in the Post-Soviet Space: Analytical Approaches and Empirical Reflections. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*, 2014, № 4, сс. 185-192. [*Vestnik RUDN. International Relations*, 2014, no. 4, pp. 185-192.]
4. Holbrood K. *Middle Powers in International Politics*. New York, St. Martin’s Press, 1984. 234 p.
5. Агамамедова З. Нейтралитет Туркменистана. *Международные процессы*, 2003, т. 1, № 3, сс. 121-130. [Agamamedova Z. Neitralitet Turkmenistana [The Neutrality of Turkmenistan]. *International Trends*, 2003, vol. 1, no. 3, pp. 121-130.]
6. Дундич А. С. Таджикистан: мир без процветания. *Международные процессы*, 2010, т. 8, № 3, сс. 143-154. [Dundich A. S. Tadjhikistan: mir bez protsvetaniya [Tajikistan: Peace Without Prosperity]. *International Trends*, 2010, vol. 8, no 3, pp. 143-154.]
7. Дундич А. С. Киргизия между “великими”... *Международные процессы*, 2010, т. 8, № 2, сс. 117-123. [Dundich A. S. Kirgiziya mezhdhu “velikimi” ... [Kyrgyzstan: Between the Great Powers...]. *International Trends*, 2010, vol. 8, no 2, pp. 117-123.]
8. Богатуров А.Д., ред. *Международные отношения в Центральной Азии: События и документы*. Москва, Аспект Пресс, 2014. 560 с. [Bogaturov A.D., ed. *Mezhdunarodnye otnosheniya v Tsentral’noi Azii: Sobytiya i dokumenty* [International Relations in Central Asia: Events and Documents]. Moscow, Aspect Press, 2014. 560 p.]
9. *Экспертный портал РУДН по международным отношениям*. [Expert Portal of the RUDN University on International Relations (In Russ)]. Available at: <http://ir.rudn.ru/> (accessed 03.04.2017).
10. Дегтерев Д.А., Курьлев К.П., ред. *Внешняя политика стран СНГ*. Москва, Аспект Пресс, 2017. 650 с. [Degterev D.A., Kurylev K.P., eds. *Vneshnyaya politika stran SNG* [Foreign Policy of CIS Countries]. Moscow, Aspect Press, 2017. 650 p.]
11. Коваленко С.А., Смолик Н. Г. Участие РУДН в деятельности Сетевого университета СНГ. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*, 2014, № 4, сс. 207-213. [Kovalenko S.A., Smolik N. G. Uchastie RUDN v deyatel’nosti Setevogo universiteta SNG [Participation of Peoples’ Friendship University of Russia in the Activities of CIS Network University]. *Vestnik RUDN. International Relations*, 2014, no. 4, pp. 207-213.]
12. Дегтерев Д. А. Количественные методы в международных исследованиях. *Международные процессы*, 2015, т. 13, № 2, сс. 35-54. [Degterev D. A. Kolichestvennyye metody v mezhdunarodnykh issledovaniyakh [Quantitative methods in international studies in Russia and abroad]. *International Trends*, 2015, vol. 13, no. 2, pp. 35-54.]
13. Бабаджанов А. Я. *Военно-политическое сотрудничество постсоветских государств: проблема сочетаемости национальных подходов*. Москва, Аспект Пресс, 2014. 256 с. [Babadzhanov A. Ya. *Voенно-politicheskoe sotrudnichestvo postsovetskikh gosudarstv: problema sochetaemosti natsional’nykh podkhodov* [Military-Political Cooperation of post-Soviet States: the Problem of Compatibility of National Approaches]. Moscow, Aspect Press, 2014. 256 p.]
14. Дегтерев Д.А., Дегтерев А.Х., Никулин М.А., Оганесян А.Л. Прикладной анализ внешней политики стран СНГ. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*, 2014, № 4, сс. 176-184. [Degterev D.A., Degterev A. Kh., Nikulin M.A., Oganesyanyan A. L. Prikladnoi analiz vneshnei politiki stran SNG [Applied Analysis of the Foreign Policy of CIS Countries]. *Vestnik RUDN. International Relations*, 2014, no. 4, pp. 176-184.]
15. Шмелев Б.А., отв. ред. *Внешняя политика новых независимых государств*. Москва, ИЭ РАН, 2015. 240 с. [Shmelev B.A., ed. *Vneshnyaya politika novykh nezavisimykh gosudarstv* [Foreign Policy of New Sovereign States]. Moscow, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, 2015. 240 p.]
16. Тихомиров А. В. *Внешняя политика Республики Беларусь в 1991–2011 гг.* Минск, Право и экономика, 2014. 278 с. [Tikhomirov A. V. *Vneshnyaya politika Respubliki Belarus’ v 1991–2011 gg.* [Foreign Policy of Belarus Republic in 1991–2011]. Minsk, Pravo i ekonomika, 2014. 278 p.]
17. Шадурский В. Г. Формирование концептуальных основ внешней политики Республики Беларусь (1991–2011). *Вестник БДУ. Сер. 3*, 2011, № 3, сс. 31-36. [Shadurskii V. G. Formirovaniye kontseptual’nykh osnov vneshnei politiki Respubliki Belarus’ (1991–2011) [Formation of the Conceptual Bases of the Foreign Policy of the Republic of Belarus (1991–2011)]. *Vestnik BDU. Ser. 3*, 2011, no. 3, pp. 31-36.]
18. Курьлев К. П. *Внешняя политика Украины в контексте формирования региональной системы безопасности в Европе*. Москва, РУДН, 2014. 531 с. [Kurylev K. P. *Vneshnyaya politika Ukrainy v kontekste formirovaniya regional’noi sistemy bezopasnosti v*

- Europe* [Foreign Policy of Ukraine in the Context of the Formation of a Regional Security System in Europe]. Moscow, RUDN University, 2014. 531 p.]
19. Курьлев К.П., Нарышкин В.С., Озинковская Е., Рахимов К.Х. Евразийский экономический союз во внешнеполитической стратегии России. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*, 2016, т. 16, № 1, сс. 75-86. [Kurylev K.P., Naryshkin V.S., Ozinkovskaya E., Rakhimov K. Kh. Evraziiskii ekonomicheskii soyuz vo vneshnepoliticheskoi strategii Rossii [EAEU in Russian Foreign Policy Strategy]. *Vestnik RUDN. International Relations*, 2016, vol. 16, no. 1, pp. 75-86.]
 20. Мачавариани Г.Г. ГУАМ как проект альтернативной интеграции на постсоветском пространстве. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*, 2014, № 4, сс. 112-119. [Machavariani G.G. GUAM kak proekt al'ternativnoi integratsii na postssovetskom prostranstve [GUAM as a Project of Alternative Integration in the Post-Soviet Space]. *Vestnik RUDN. International Relations*, 2014, no. 4, pp. 112-119.]
 21. Дегтерев Д.А. Сетевой анализ международных отношений. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Политология. Международные отношения*, 2015, № 4, сс. 119-138. [Degterev D.A. Setevoi analiz mezhdunarodnykh otноshenii [Network Analysis of International Relations]. *Vestnik of Sankt-Petersburg University. Series 6. Politology. International Relations*, 2015, no. 4, pp. 119-138.]
 22. Anderson J., Wincoop E. Gravity with Gravitas: A Solution to the Border Puzzle. *American Economic Review*, 2003, vol. 93, no. 1, pp. 170-192.
 23. Rose A. The Foreign Service and Foreign Trade: Embassies as Export Promotion. National Bureau of Economic Research, *Working Paper 11111*, February 2005. Available at: <http://www.nber.org/papers/w11111> (accessed 03.04.2017).
 24. Кузнецов А.В. Прямые иностранные инвестиции: “эффект соседства”. *Мировая экономика и международные отношения*, 2008, № 9, сс. 40-47. [Kuznetsov A. V. Pryamyie inostrannyye investitsii: “effekt sosedstva” [Foreign Direct Investment: “Neighborhood Effect”]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2008, no. 9, pp. 40-47.]
 25. *US Department of the State Congressional Reports*. Available at: <http://www.state.gov/p/io/rls/rpt/index.htm> (accessed 03.04.2017).
 26. Alker H., Russett B. *World Politics in the General Assembly*. New Haven, Yale University Press, 1965. 326 p.
 27. Keohane R. The Study of Political Influence in the General Assembly. *International Organization*, 1967, vol. 21, no. 02, pp. 221-237.
 28. Liphart A. The Analysis of Block Voting in the General Assembly: A Critique and a Proposal. *American Political Science Review*, 1963, vol. 57, no. 04, pp. 902-917.
 29. Russett B. Discovering Voting Groups in the United Nations. *American Political Science Review*, 1966, vol. 60, no. 02, pp. 327-339.
 30. Voeten E. Clashes in the Assembly. *International Organization*, 2000, vol. 54, no. 2, pp. 185-215.
 31. Young H., Rees N. EU Voting Behaviour in the UN General Assembly, 1990–2002: The EU’s Europeanising Tendencies. *Irish Studies in International Affairs*, 2005, vol. 16, pp. 193-207.
 32. Дегтерев Д.А. Российская Федерация как новый международный донор: дилеммы идентичности. *Вестник международных организаций*, 2013, № 2, сс. 69-85. [Degterev D.A. Rossiiskaya Federatsiya kak novyi mezhdunarodnyi donor: dilemmy identichnosti [Russian Federation as a New International Donor: Identity’s Dilemmas]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii*, 2013, no. 2, pp. 69-85.]
 33. Шаклеина Т.А., ред. *Ситуационные анализы. Выпуск 1*. Москва, МГИМО-Университет, 2011. 235 с. [Shakleina T.A., ed. *Situatsionnyie analizy* [Situational analysis]. Issue 1. Moscow, MGIMO-University, 2011. 235 p.]
 34. Дегтерев Д.А. Хартия о стратегическом партнерстве между США и Украиной. *Национальная безопасность*, 2011, № 1, сс. 85-94. [Degterev D.A. Khartiya o strategicheskom partnerstve mezhdru SShA i Ukrainoi [Charter on Strategic Partnership Between the United States and Ukraine]. *Natsional'naya bezopasnost'*, 2011, no. 1, pp. 85-94.]
 35. Достанко Е.А., Воротницкая Т.В. *Политика расширения Европейского Союза на Восток*. Минск, Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2007. 237 с. [Dostanko E.A., Vorotnitskaya T.V. *Politika rasshireniya Evropeiskogo Soyuza na Vostok* [The Policy of Expanding the European Union to the East]. Minsk, Academy of Public Administration Under the President of the Republic of Belarus, 2007. 237 p.]
 36. Шаклеина Т.А., ред. *Ситуационные анализы. Выпуск 2*. Москва, МГИМО-Университет, 2012. 276 с. [Shakleina T.A., ed. *Situatsionnyie analizy* [Situational analysis]. Issue 2. Moscow, MGIMO-University, 2012. 276 p.]
 37. Жильцов С.С., Воробьев В.П., Шутов А.Д. *Эволюция политики России на постсоветском пространстве*. Москва, Восток–Запад, 2010. 168 с. [Zhil'tsov S.S., Vorob'ev V.P., Shutov A. D. *Evolyuitsiya politiki Rossii na postssovetskom prostranstve* [Evolution of Russia’s Policy in the Post-Soviet Space]. Moscow, Vostok–Zapad, 2010. 168 p.]
 38. Борзова А.Ю. Роль Бразильского Агентства по сотрудничеству в содействии развитию по линии Юг–Юг. *Латинская Америка*, 2015, № 5, сс. 27-38. [Borzova A. Yu. Rol' Brazil'skogo Agentstva po sotrudnichestvu v sodeistvii razvitiyu po linii Yug–Yug. *Latinskaya Amerika*, 2015, № 5, сс. 27-38.]

- linii Yug-Yug [The Role of Brazilian Cooperation Agency in Promoting South-South Development Cooperation]. *Latinskaya Amerika*, 2015, no. 5, pp. 27-38.]
39. Ефимова Л. М. Внешнеполитическая доктрина Президента Индонезии Д. Видодо. *Юго-Восточная Азия: Актуальные проблемы развития*, 2016, № 33, сс. 55-69. [Efimova L. M. Vneshnepoliticheskaya doktrina Prezidenta Indonezii D. Widodo [The Foreign Policy Doctrine of Indonesian President Joko Widodo]. *Yugo-Vostochnaya Aziya: Aktual'nye problemy razvitiya*, 2016, no. 33, pp. 55-69.]
 40. Савичева Е.М., Шаар М. О. Отношения арабских стран Персидского залива с центрально-азиатскими государствами СНГ. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*, 2014, № 4, сс. 160-168. [Savicheva E.M., Shaar M. O. Otnosheniya arabskikh stran Persidskogo zaliva s tsentral'no-aziatskimi gosudarstvami SNG [Relations of the Arab Gulf countries with Central Asian states of CIS]. *Vestnik RUDN. International Relations*, 2014, no. 4, pp. 160-168.]
 41. Чикризова О.С. К вопросу о методологии изучения суннитско-шиитских взаимоотношений. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*, 2015, т. 15, № 3, сс. 74-82. [Chikrizova O.S. K voprosu o metodologii izucheniya sunnito-shiitskikh vzaimootnoshenii [On the Methodology of Research of Sunni-Shiite Relations]. *Vestnik RUDN. International Relations*, 2015, vol. 15, no. 3, pp. 74-82.]
 42. Юртаев В.И. БРИКС: вызовы сотрудничества на Африканском континенте. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*, 2016, т. 16, № 2, сс. 191-202. [Yurtaev V.I. BRICS: vyzovy sotrudnichestva na Afrikanskom kontinente [BRICS: Challenges of Cooperation on the African Continent]. *Vestnik RUDN. International Relations*, 2016, vol. 16, no. 2, pp. 191-202.]
 43. Шикин В. В. Энергетическое измерение внешней политики Индии в Центральной Азии (2000–2014 гг.). *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*, 2014, № 4, сс. 148-159. [Shikin V. V. Energeticheskoe izmerenie vneshnei politiki Indii v Tsentral'noi Azii (2000–2014 gg.) [India's Foreign Policy Energy Agenda in the Central Asia (2000–2014)]. *Vestnik RUDN. International Relations*, 2014, no. 4, pp. 148-159.]

MULTIPLEXITY PARAMETERS OF THE CIS FOREIGN POLICY: APPLIED ANALYSIS

(World Economy and International Relations, 2018, vol. 62, no. 1, pp. 63-75)

Received 01.07.2017.

*Denis A. DEGTEREV (Degterev_DA@Rudn.university; Degterev@mgimo.ru),
Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), 6, Miklukho-Maklaya Str., Moscow 117198,
Russian Federation;
Moscow State Institute of International Relations (MGIMO), 76, Vernadskogo Prosp., Moscow 119454,
Russian Federation.
Igor' P. VASILYUK (Vasiliuk_IP@Rudn.university),
Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), 6, Miklukho-Maklaya Str., Moscow 117198,
Russian Federation.
Valentina V. BAUM (Baum_VV@Rudn.university),
Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), 6, Miklukho-Maklaya Str., Moscow 117198,
Russian Federation.*

Acknowledgements: The authors are grateful to the experts on foreign policy of G20 countries for their advice in writing this article, incl. Alla Yu. BORZOVA, Doctor of History (expert in foreign policy of Argentina and Brazil); Larisa M. EFIMOVA, Doctor of History (expert on Indonesia), Olga S. CHIKRIZOVA, Candidate of History (expert on Turkey, Saudi Arabia), and Vladimir I. YURTAEV, Doctor of History (expert on South Africa).

The research was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research in the framework of the scientific project RFBR-CASS No. 17-27-21002

The article examines the main foreign policy partners of the CIS member states, as well as major international organizations, in which the countries of the Commonwealth participate. On the basis of a number of indicators, the parameters of the CIS countries' multi-vector nature are estimated. The study is based on the following methods: the content analysis of doctrinal documents, the network analysis of diplomatic representations, quantitative methods to evaluate voting on resolutions of the 47–70th sessions of the UN General Assembly. Comparison of the voting on the UN General Assembly resolutions both between the CIS states and with the G20 countries makes it possible to identify the closest foreign policy partners among the CIS countries, as well as among the most influential countries in the world. Quantitative analysis is complemented by qualitative studies of the CIS states' foreign policies (the project has been realized for several years by the Department of Theory and History of International Relations at the Peoples' Friendship University of Russia, in conjunction with the leading universities of the Commonwealth within the CIS Networking University). The analysis carried out by the authors testifies the formation of a separate subsystem of international relations in the post-Soviet space. A number of CIS countries implement the concept of an expanded multi-vector approach in their foreign policies, even trying not to declare the hierarchy of

foreign policy partners at the official level at all. The proximity between positions of Azerbaijan, Belarus and Kazakhstan as well as that of Kyrgyzstan, Tajikistan and Turkmenistan is observed. Countries of the “Euro-Atlantic orientation” (Moldova, Ukraine and Georgia) have attitudes closest to Germany, Italy and Japan. Particularly distinguished are the symmetrical foreign policy steps of Armenia and Azerbaijan within the framework of mutual reflection. Among the G20 countries, Armenia and Argentina have the closest positions, whereas Belarus and Russia – to China, Central Asian countries – to South Africa, Azerbaijan and Belarus – to Indonesia. Conclusions are also made of Turkey’s and Saudi Arabia’s insignificant degree of influence on the CIS states’ foreign policies.

Keywords: CIS; multi-vector nature; neutrality; foreign policy; applied analysis; voting in the UN; quantitative methods of analysis; international organizations; network of embassies; doctrinal documents.

About authors:

Denis A. DEGTEREV, Candidate of Economics, Head of Department.

Igor’ P. VASILYUK, Candidate of Philology, Associate Professor.

Valentina V. BAUM, Candidate of History, Associate Professor.

DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-1-63-75